

Часть I

ГОЛОС ЗОВУЩЕГО

Еще не разгадано до конца, что происходит
внутри тени.

Эдгар Алан По

ГЛАВА I

Из дома Вольф Мессинг сбежал в одиннадцать лет. Точнее, сбежал из иешивы, еврейской семинарии, куда его отправили после окончания начальной школы — хедера*. На этом настоял местный раввин, чем очень порадовал отца, уверовавшего, что сыну, возможно, повезет, и он сумеет выкарабкаться из нищеты. То же напоролил и любимый Мессингом Шолом-Алейхем, в начале века посетивший наше местечко-штетеле. Вольфа представили ему как самого способного ученика в хедере. Он потрепал его по щеке и пообещал великое будущее.

Мальчик со своей стороны наотрез отказался поступать в иешиву. Ему хватило и хедера. Сначала отец пытался убедить Вольфа, потом его мать, но он стоял на своем, и от него отступились. Как оказалось, ненадолго. Вольфу в ту пору было девять лет, мама вздохнула: повзрослеет — поумнеет, однако отец рассудил иначе.

Это было поздней осенью, ближе к вечеру, в сумерках. Отец послал сына в лавку за папиросами, и возвращался он уже в полной темноте.

Подойдя к дому, мальчик только коснулся ногой первой ступеньки, как что-то огромное, светлое заполнило крыльцо. Вольф замер от ужаса и только спустя несколько мгновений различил, что крыльцо заполнила громадная, напоминающая человека фигура в белом одеянии.

Фигура торжественно вскинула руки к небу, и он услышал волнующий низкий голос, укоряющий Вольфа за пренебрежение волей Создателя:

— Сын мой! Свыше я послан... предречь будущее твоё во служение Богу. Не пренебрегай волей Господа, ступай в иешиву! Будет угодна Богу твоя молитва...

Вольф онемел. Мальчишка он был нервный, мечтательный, что называется, себе на уме, и тут вдруг такое чудо.

Он потерял сознание.

* Хедер (буквально «комната») — еврейская религиозная начальная школа. Впервые упоминается в XIII веке.

Пришел в себя уже в комнате. Отец и мать нараспев, громко читали молитву. Лица у них были встревоженные. Как только Вольф очнулся, родители успокоились. Мать отошла в сторону, там села на табуретку, сложила руки на коленях. Сын рассказал, что только что на крыльце дома повстречал ангела.

Отец спросил:

— Что же он тебе посоветовал?

— Он потребовал, чтобы я не пренебрегал волей Создателя.

Отец, внушительно кашлянув, произнес:

— Так хочет Бог... Ну, пойдешь в иешиву?

Мать промолчала.

Потрясенный происшедшим, мальчик не имел сил сопротивляться и вынужден был сдаться.

Иешива находилась в маленьком провинциальном городке, отличавшимся вылизанной чистотой и непререкаемой размеренностью жизни. Мощеные улочки, редкие прохожие, не обращавшие внимания на хилого мальчишку в длиннополом одеянии с экзотической шапочкой на голове.

Распорядок дня в иешиве был вполне тюремный. Запрещалось смеяться, громко разговаривать, драться с местными мальчишками, показывать язык девчонкам, презрительно фыркать при виде похожих на чучело учеников иешивы. Это случалось в редкие минуты свободы, когда каждый из семинаристов в перерыве между занятиями отправлялся на обед в тот дом, который был назначен на сегодня. Ученики по очереди обходили дома местных евреев. Этих глотков свободы было так мало, а увидеть хотелось там много: например, реку и дирижабль, однажды приземлившийся за рекой. Городские мальчишки гурьбой бросились туда, а Вольфу только в прогале улочки посчастливилось увидеть поблескивающий бок летательного аппарата.

По ночам он горько плакал, а утром, умывшись ледяной водой, опять начинал заучивать наизусть страницы Талмуда*.

* Талмуд — многотомный свод еврейской религиозной литературы, сложившийся с II века до н. э. по VI век н. э. Известен также как Устное Учение, или Устный Закон. В его основе лежит комментарий Танаха (Ветхого Завета), в особенности его первой части — Пятикнижия, или Торы. Кроме законодательных текстов, называемых Галаха, Талмуд включает большое количество сказочных и мифологических сюжетов, народных поверий, исторических, медицинских, магических, кулинарных текстов, случаев и анекдотов. Все это называется Агада.

Однажды в молитвенном доме Вольф встретил странника, чья фигура показалась ему знакомой. Это был верзила, отличавшийся огромным ростом и атлетическим телосложением. Широкое лицо, окладистая белая борода... Он не мог отделаться от мысли, что где-то уже видел его. Вразумил его голос бродяги: это был голос ангела, объявившего волю Бога. Этот громахачущий басок, потребовавший отправиться в иешиву, ни с чем не спутаешь. Потрясения хватило на всю ночь и еще на несколько дней — неужели отец просто-напросто сговорился с этим проходимцем?

Бродяга превосходно сыграл свою роль, только финал ему не удался. Приметив, что Вольф не сводит с него глаз, перед уходом он погладил мальчика по голове и признался, что отец подрядил его за несколько грошей указать верный путь в жизни. Это признание не стало для Вольфа новостью, он только поинтересовался: как же Божий суд? Незнакомец махнул рукой и неожиданно хитровато подмигнул — жить-то надо! Эту плутоватую гримасу Мессинг запомнил на всю жизнь, она все решила. Ему не было дела до этого проходимца. Он не мог взять в толк: как его всегда справедливый отец пошел на обман? Кому же верить?! Тогда ложь все, что Вольф знает, чему его учат? Может быть, Бог тоже лжет?! Может быть, его и вовсе нет?

Нет Бога?

Нет Бога!

...Вольфу Мессингу нечего было делать в иешиве. Той же ночью он обрезал ножницами длинные полы своей одежды и, повторяя про себя молитву всех обманутых и оскорбленных: «Вот вам за это!» — сломал кружку, в которую верующие опускали свои трудовые пфенниги «на Палестину». Содержимое — восемнадцать грошей — он пересыпал в карман и помчался на ближайшую железнодорожную станцию. С этим «капиталом», опустошенной душой и негодующим сердцем мальчик отправился на встречу с неизвестностью.

Нестерпимо хотелось есть, и по пути Вольф добавил грехов: накопал на чужом поле картошку, испек ее в золе, слопал всю и, повеселев, двинулся дальше, на зов паровозного гудка. С тех пор лучшей музыкой для него является паровозный гудок, а лучшим блюдом — пахнущий дымом печеный картофель с привкусом солоноватой золы.

Маршрут указала судьба. Вагон, в котором Вольф спрятался на станции, отправлялся в Берлин, но об этом он узнал уже по прибытии, схваченный на берлинском вокзале попутчиком, назвавшимся Вилли. Было ему в ту пору лет тринадцать. Он был постарше Мессинга и крупнее. Может, поэтому понадеялся на силу. Зажав Вольфа в укромном уголке, он потребовал признаться, каким образом тот устроил этот фокус с билетом и зачем явился в Берлин.

Вольф лепетал что-то насчет испуга.

Действительно, когда в вагон зашел контролер он, безбилетник, до смерти перепугался и спрятался под лавку. Сидевший поодаль и до той поры надменно поглядывавший мальчишка с интересом следил, чем окончится это противостояние с законом.

Когда контролер, согнувшись, предложил предъявить проездной документ, Вольф, оказавшись в состоянии, близком к обмороку, сунул ему подобранный с пола обрывок газеты. Обрывок был немалого размера — это последнее, что он успел отметить до того, как обмер от страха. Затем, вероятно, со страху провалился в нечто, напоминающее сон. Другими словами, Вольф увидел себя в некоей иной перспективе: будто он показывает язык надменному соседу и небрежно протягивает контролеру железнодорожный билет. У него нет не было и тени сомнения, что в руках он держит картонный прямоугольник с готическими буквами в мелких дырочках.

Контролер взял обрывок газеты, уверенно прокомпостировал его и подобранным голосом спросил:

— Зачем же вы с билетом под лавкой едете? Есть же места. Через два часа будем в Берлине...

Его слова окончательно разбудили Вольфа. Он посмотрел контролеру вслед, вытер пот со лба и, бегло глянув в сторону соседа, обнаружил, что тот сидит словно окаменелый, с вытянутым до неестественности лицом. Мессинг показал ему язык, тот сразу очнулся и на глазах посуровел.

Осознав, что опасность еще близка, Вольф дал деру. На ходу бросил обрывок на пол, у двери тамбура обернулся и увидел, что мальчишка поднял его и вертит его в руках. Догадка, что сейчас железнодорожник спохватится, а сосед предъявит ему «билет», пришпорила Вольфа. Он рванул дверь и выскочил в тамбур.

Дух перевел в соседнем вагоне, устроившись на лавке и глядя в окно, за которым сквозь завесу дыма пробивались пригороды Берлина. Этот дым, едкий запах дыма, пробелы улиц, такие же серые и унылые, как и выстроившиеся вдоль них дома, запомнились ему на всю жизнь.

Вольф любил Берлин, это самый чудесный город на свете. Да, он хмур, неласков, часто однообразен, местами старомоден, переполнен трамваями, но этот город оказался добр к одиннадцатилетнему беспризорнику. В нем уважают порядок, уважают тех, кто уважает порядок.

Громада Берлина поражала, и в этом скопище громадных тускло-коричневых, серых и островерхих домов предстояло выжить.

Это было нелегким делом, куда более трудным, чем вырваться от соседа по вагону, с арийской самонадеянностью потребовавшего объяснить, с какой стати Вольф показал ему свой поганый язык?

Свое требование он разъяснил следующим образом:

— Еще никто и никогда не смел показывать язык Вилли Вайскруфту.

Мессинг, будучи схваченным за воротник, не удержался от вопроса:

— Тебя зовут Вилли?

— Да.

— А меня, — надеясь на снисхождение, признался он, — Вольф.

— Мне нет дела до твоего поганого имени. Говори, как тебе удалось повернуть этот фокус с билетом? — он показал кулак и предупредил: — Если не скажешь...

Он был прилично одет: бархатная шоколадного цвета курточка, кожаные штаны до колен и высокие белые носки, каких Вольфу сроду видеть не доводилось. Кроме удивительных носков была в их доверительном разговоре еще одна неувязка. Вольф не сразу осознал ее.

Лицо его скучилось, он обмяк и ответил:

— У меня был билет.

— Этот, что ли? — спросил немецкий мальчик и показал обрывок газеты.

Он спросил на русском языке!

Это было слишком для одного дня. Вольф толкнул Вилли в грудь, тот упал, и он дал деру. Немчишка пытался догнать его,

но куда там. Те, кому удавалось вырваться из рук отца, были чемпионами в подобном виде спорта.

Мчался до тех пор, пока хватило сил. Затем затерялся в толпе разодетых фрау со вздернутыми носиками, в маленьких шляпках с зонтиками и непомерно большими бантами на спине. С ходу свернул в какой-то двор, огражденный высокими стенами с многочисленными окнами. Здесь почувствовал себя неуютно и, сопровождаемый презрительными взглядами какой-то прачки, снова выскочил на улицу. Добрался до сквера, где играл военный оркестр, там перевел дух и задался вопросом, почему никто не интересуется, что он делает на улице, как здоровье родителей, не носит ли с собой вшей, не голоден ли и есть ли у него пристанище? С городскими сверстниками дело обстояло еще хуже. Возможно, Вольф забрел не в тот район, но здесь, в городском саду, не было мальчишек и девчонок в его понимании. Здесь разгуливали важные маленькие господа в белых рубашках со странными, завязанными узлом ленточками под подбородком, коротких штанишках и высоких носках, уже виденных на соседе по вагону. Что касается девчонок — от этих не то что демонстрации языка, взгляда не дождешься, пусть даже он попытался бы пройти перед ними колесом.

Окончательно сразил Вольфа крохотный матрос, шествующий в сопровождении взрослой тети, оставившейся на него сквозь круглые стеклышки, надетые на красивую палочку. В ее глазах читался откровенный испуг: как бы он нечаянно не коснулся нарядного матросика!

Нужен он! Но Вольфа интересовало другое: что это за корабль, на котором служат пятилетние несмышлениши и далеко ли можно уплыть на таком корабле?

Впрочем, приближался вечер, и Вольфу следовало подумать о ночлеге. О местной синагоге ему и вспоминать не хотелось. Путем расспросов добрался до Драгунштрассе*, где останавливались его земляки из Гуры Калеварии**. Там мальчика приютили добрые люди, помогли с работой. Он устроился посыльным

* Драгунштрассе (Драгонерштрассе) располагалась в восточной части Берлина неподалеку от площади Бюлова, ныне площадь Розы Люксембург.

** Гура Калевария (Гора Кальвария) — городок в Варшавском воеводстве (до 1999 года), примерно в 40 км к югу от Варшавы.

в ночлежный дом, заодно мыл посуду, чистил обувь. Денег ему не платили, обещали кормить, но часто забывали об обещании, так что на голодный желудок, с мыслями о еде Вольфу удалось протянуть до февраля, когда на улице он упал в голодный обморок и попал в местную больницу. Дежурный врач осмотрел его и, зафиксировав остановку дыхания, приказал перевезти в морг.

В морге Вольф пролежал до следующего дня — санитары готовили трупы для патологоанатомического музея. Загвоздка вот в чем: состояние, в котором он находился, только со стороны можно было назвать обмороком или, если хотите, смертью. Очнувшись в больнице и услышав приговор врача, мальчик не потерял присутствия духа. Да, он не мог двигать членами, не мог дышать, не мог говорить, но все видел и слышал.

Под словом «все» подразумеваются не только высказанные вслух слова, но и слова, рождавшиеся в головах тех, кто имел с Вольфом дело. Другими словами, он улавливал странное удвоение голосов, при котором первому, ясно слышимому, вторил другой, дребезжащий, размыто угадываемый. При этом тени слов вовсе не повторяли сказанное вслух, а содержали какой-то иной смысл. Это было что-то вроде смутных оттисков, сопровождаемых уверенностью, что он слышит именно то, что слышит. Каждого, кто подходил, Вольф видел насквозь и ничуть не обижался, что к нему относятся как к вещи. Он не испытывал эмоций. Что-то, конечно, пошевеливалось в груди, но реакция была отстраненная, потусторонняя, как если бы до кого-то доносился разговор соседей в электричке. Смысл их разговоров вовсе не занимал его, кроме некоторых незнакомых и удивительно красивых выражений. Например, «патологоанатомический музей». В музеях Вольф никогда не бывал, но слышал о них, и где-то глубоко внутри, из-под спуда пробился вопрос: неужели и ему доведется побывать в хранилище, где выставлено множество забавных вещей? Никаких иных переживаний он не испытывал.

Это факт, и с ним надо считаться.

В музее Вольфа положили на металлический столик, студент-медик, склонившийся надо ним, обнаружил пульс, и тут же вызвал профессора, который и вернул мальчика в ряды живых. Это случилось на третьи сутки после того, как он упал на улице.

Спасителем оказался господин Густав Абель. От него Вольф впервые услышал о летаргическом сне, вызванном малокровием, истощением, нервными потрясениями; о медиумах, когда в его доме, в ответ на его мысленный посыл, он взял молоток, разбил молотком кафельную плитку на печке и через образовавшееся отверстие достал из зева серебряную монету.

Профессор развел руками.

— Вы — удивительный медиум, — заявил он.

То, что Вольф не совсем человек, он уже догадывался, но оказаться медиумом было сверх всяких ожиданий. Он испытал гордость, ведь не каждый сбежавший из дома мальчишка может называться медиумом.

— Ты можешь приказать себе все, чего только захочешь, — утверждал профессор. — Главное — уверенность в себе, в своих силах. Ты должен забыть о том, что было с тобой раньше и включиться в работу по выяснению будущего.

Что на это ответить?

Чтобы стало понятнее, можно привести пример. С каждым случалось такое: заснув, вдруг соображаешь, что ты во сне, и все, что с тобой творится, происходит в некоем бредовом, потустороннем состоянии. Вспомните хотя бы описания снов: «иду вдоль длинного забора», «очутился в помещении... в поле... в лесу... на краю обрыва...», «вижу себя издали» и так далее. К моменту осознания такого рода яви и хочется привлечь внимание. Оно, осознание, происходит внезапно, как бы ненароком или мимоходом — глядь, а я уже здесь.

Действительно, чтобы уловить чужие мысли или, точнее, приказы (в чем разница, узнаем позже, когда мы побываем у Иосифа Виссарионьча, который очень интересовался такими «штучками-дрючками»), требуется колоссальное напряжение, но в этом деле главное — умение войти в предстартовое состояние, а также навык, позволяющий выбрать подходящего индуктора, то есть человека, чьи мысли воспринимаются легче, чем у кого-либо другого присутствующего в зале.

Таким исключительно отзывчивым проводником оказалась жена профессора Лора. Это была молодая болезненного вида женщина с чуть раскосыми и, может быть, оттого ощутимо мнящими глазами. Вольф брал ее за руку, она мысленно диктовала задание: направо, налево, вниз, вверх, ошибка, ошибка, прямо, открыть дверцу, ошибка, следующая полка, следующая

полка, ошибка, вправо, вправо, стоп. Книга, возьми книгу, страница, нет, ошибка, нет, ближе к началу, стоп. Хорошо. Строчка. Пятнадцатая строчка, пятнадцатая строчка, ниже, ниже, стоп. Буква.

Стоп, правильно. Хорошо.

Видали бы вы, какими взглядами одаривала Лору супруга профессора Абея Эрнестина, оказавшаяся никудышным индуктором. Эрнестина полагала: если ее муж отыскал такого одаренного беспризорника, каким был Вольф, заниматься им должны они и только они, а именно — семейная чета Абелей. Если этот бесенок с головой, похожей на куст сельдерея, утверждает, что не слышит ее, тем хуже для него*. Возмущение Эрнестины, истекающее в виде напористого мысленного потока, было отчетливым и непререкаемым: «Этот босяк должен научиться воспринимать мои мысли. Ведь каким-то образом он научился погружаться в бездыханное состояние, что, впрочем, неудивительно для маленького бродяги». Следом наваливалась волна смутных, мешавших Вольфу работать обвинений: «Я знаю, почему он так липнет к Лоре. Это ты, мой любезный супруг, мой Густав, внушил ему, что Лора куда более покладиста, чем твоя законная супруга, которая знает, что такое женская честь и не пытается завлечь чужих мужчин».

Вольф невольно слышал их всех: Эрнестину, профессора Абея, Лору. Он вынужденно слушал их. Профессор мысленно транслировал Лоре «моя добрая», «моя хорошая».

Ни Густав, ни Лора не могли общаться в сверхчувственном эфире, но им не нужна была телепатия. В ту пору Вольфу было трудно понять потаенный смысл таких выражений: «моя хорошая», «моя ласточка», «мой хороший», «мой умный». Куда сильнее мальчика удручала неотвратимость скорого разрыва с приютившей его профессорской четой. Эта перспектива вырисовывалась перед ним как очень близкое будущее.

* Как автор я обязан обратить внимание читателей на эпизод с Лорой, так как в нем присутствует грубейшая логическая ошибка: с одной стороны, наш герой не «слышит» мысли Эрнестины, с другой — он выдает их целым потоком. К сожалению, добиться каких-либо разъяснений от Вольфа Григорьевича мне не удалось. С высоты многоэтажного дома мэтр настоял, чтобы рассказ был сохранен именно в том виде, в каком он внушил его мне. При этом он обмолвился, что в этой нелогичности, необъяснимости ощущений и состоит неразгаданная тайна телепатического прослушивания эфира, сводившая с ума многих одаренных ясновидением.

Вольф уже подумывал, не лучше ли самому, не дожидаясь, пока супруга профессора выгонит его из дома, сбежать на Драгунштрассе, конечно, теперь уже не в качестве мальчика на побегушках. После овладения простейшими приемами погружения в сон наяву и улавливания чужих мыслей, пусть даже малосвязанных и непонятных, по большей части обрывков мыслей, он надеялся занять место полноправного участника шайки, собиравшейся в трактире на Гренадирштрассе и обиравшей горожан и приезжих провинциалов в карты. По праздничным дням (кроме суббот) они занимались распродажами участков на Луне, торговлей «ценными бумагами» несуществующих акционерных обществ, не гнушались и раздеванием пьяных. Это были доходные занятия, но что-то удерживало его от подобного использования своих талантов.

Что именно?

На этот вопрос ответил господин Абель.

Чтобы лишить Густава повода видеться с Лорой, Эрнестина потребовала отправить ребенка в приют. Расстаться с нечаянно свалившимся ему на голову «феноменом» показалось профессору несусветной глупостью, однако от помощи Лоры он был вынужден отказаться.

Его переживания до такой степени измордовали Вольфа, что он дал себе слово никогда не рисковать собой и не доводить дело до грани душевного расстройства. Другие заповеди, внушенные профессором, тоже пришлись ему по душе: сытость не вымогается, а зарабатывается, счастья не добиваются, а ищут, и найдет его только тот, кто сохранит уважение к себе и веру в свои силы.

Истины от Абеля открылись Вольфу не до того, как он покинул дом профессора, а после. Ультиматум жены Густав выполнил через два месяца. Все это время мальчик занимался с ним, и только когда Лора скончалась от скоротечной чахотки, Абель, погрузившись в меланхолию, согласился передать его на попечение господина Цельмейстера, импресарио, тут же перепродавшего ребенка в Берлинский паноптикум.